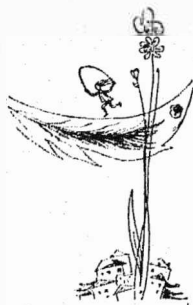

ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА

Театры будут нас учить, воспитывать. Выставки будут расширять наш кругозор. Серьезная музыка будет кознить и небесам, а легкая — возвращать на землю (или наоборот). Уйдет, наконец, Михай Шиков, придет, наконец, Муслим Магомаев. (А мы будем сидеть у телевизора).

Каждую осень все известно заранее, и каждую осень все чего-то ждут. Городская жизнь гоняет нас от сказки к сказке. Сезам, открываясь — открывается сезон; когда в деревне убрали урожай, мы начинаем посевную кампанию. Будем сеять доброту и вечное. Встань пораньше. Встань пораньше. Встань пораньше.

Наслушавшись пейзажных лириков, которые бегают тут среди нас и забрасывают нас анонимками на городскую цивилизацию (почему анонимками — по причине отсутствия поэтической индивидуальности, которая и есть истинное имя поэта), мы думаем, что нам мешает жить уличный шум, давка в автобусе, равнодушные прохожие, невозможность достать билет на Таганку. А ничего подобного. Шум — это мы, и давка — мы. И равнодушные прохожие (привещающие порой к печальным последствиям) — тоже мы. Неодина с собой, мечтатели и полумечтатели, и лучше все не попасть в нашу мешающую театр, это как-то будоражит фантазию, чем отсиживать три часа на орундовом представлении, усыпляющем фантазию, — хорошо еще, если не навсегда. Нигде так медленно не гуляется, так хорошо не думается, так много не понимается, как в нашей сутолоке и спешке. Не потому, что она хорошая, а потому, что она рождается вместе с нами каждое утро. Это наша флора и фауна, наши лужайки и ручейки, наши джунгли и необитаемые острова. «Профиль юности бессмертной промелькнет в окне трамвая» — это стихи, благозвучие которых оплачено лязгом колес и скрежетом тормозов, но это также и заметка филолога, рассказывающего, какие встречи ожидают нас в этой городской чащобе.

Итак, мы дома. В четверг была генеральная репетиция Михаила Ульянова — Антония и Юлии Борисовой — Клеопатры в Театре имени Вахтангова. Шекспир в постановке Евгения Симоненко. Кажется, шестой шекспировский опыт за пятьдесят лет существа-

ния театра. Самым знаменитым спавттаклем был первый — спорный по нынешней терминологии, скандальный по тогдашней: «Гамлет» с комическим актером Горюновым в главной роли (был этот Гамлет бодр, напорист, и избытки не быть) спрашивал, примеряя корону, — быть ему королем или дано на выгорит, а Офелия под конец написала с горя, отчего и утонула, но играла, говорят, бесподобно) и с отчаянной музыкой Шостаковича в качестве главной художественной ценности — она осталась таковой и поныне. Самым удачным и долгим всего продолжавшимся — второй, «Много шума из ничего», легкий, изысканный, одинаково уместный и на фестивале в Париже, и на детском утреннике, с Симоновым (Рубеном Николаевичем) и Мансуровой, с популярными до сих пор песенками Тихона Хренникова на стихи Павла Антокольского. Третий и четвертый шли недолго и прошли бесследно — снова «Гамлет», на этот раз всерьез, с Астановым, и «Ромео и Джульетта» с Юрием Любимовым и Галиной Пашковой; пятый, «Два веронца», ни на что особое и не претендовал. По сумме очков советское театроведение считает, что вахтанговцы с Шекспиром до сих пор не сладили, — и вот почему премьеры «Антония и Клеопатры» будут принципиальным ответом на принципиальный вопрос.

Это называется — сезон сразу же берет быка за рога. Кто хочет за всем поспеть, уже сейчас должен нервно вздрагивать и соображать, куда и как быстрее доехать.

Но мы с вами пойдем пешком. Это говорится о внутреннем ритме человека, окруженного культурными ценностями, но также и о способе передвижения. Если вы ловчите и

юлите, добывая билет, ругаетесь дома, что вот опять обед запаздывает, уминаетесь перед таксистом и растапливаете прохожих, то не надейтесь, что «этого» балет, на который вы провались, имеет мировую славу. Мир не дурак, чтобы компенсировать собою то, чего вам не достает. Мировая слава этого балета как раз и может оказаться вашим последним утешением — надутая, как ресторанный швейцер. Театры, музеи, концертные залы со всем своим содержимым могут быть отправлены куда угодно (на гастроли ездят не только артисты, но и картинные галереи, можно разобрать по кирпичику старинную церковь и сложить ее в другом месте для новой публички), но москвичи они только в ансамбле города, включая и нас с вами. Можно прийти по Москве так, чтобы

она была гигантским Малым театром, а можно — чтобы Дворцом спорта, Большим залом консерватории, «Иллюзионом». Дворики Кадашевской слободы не выводят к Третьяковской галерее, а являются ее истинным вестибюлем, в то же время и экспонатом. Мы прискаки, мы начинали учебный год, открыли сезон — и все, спешка и гонка кончились. Торопиться надо было к реке, пока вода теплая, или в лес, пока там нет волков, или на Рафазля, пока он не вышел из моды. А мчаться в «Третьяковку», как будто к трапу резинитного самолета, или на «Антония и Клеопатру», как будто Шекспира не четыреста лет, а Москва не восьмидесять, — оставив эти глупости соседям, как говорил мальчик в итальянской сказке Горького.

Что касается меня, то я старый вахтанговский поклонник, но мой любимый театр — Москва. Превыру — вжудневлю.

Так было триста лет назад и будет так всегда.

А. АСАРКАН.

Все, кто встал, встаньте и круг.

Ансамбль «Славянка».